

Андрей Миронов:

«СЧАСТЛИВ, КОГДА РАБОТАЮ...»

Осенью прошлого года наша газета опубликовала короткое интервью с Андреем Мироновым, в котором популярный артист кино, театра и эстрады рассказал о своих творческих планах. В том, что эти планы, как и вся актерская жизнь Миронова, чрезвычайно насыщены и разнообразны, журналистам удалось убедиться сразу. В течение почти двух месяцев тщетно пытались мы с Андреем Александровичем найти свободные часы для встречи — репетиции, гастроли, радио, ТВ, работа с новыми киносценариями, спектакли, встречи со зрителями и снова репетиции. Поскольку поводом для разговора стали последние работы артиста в кино, то он неожиданно для себя вспомнил, что снимается уже двадцать пять лет.

проблем в современной жизни, какие можно было бы решать в сатирическом ключе, достаточно. Но, к сожалению, до сих пор хороших комедий намного меньше, чем реальных проблем.

— А как вы относитесь к недавней комедии с вашим участием «Блондинка за углом»?

— Я считаю, что фильм оказался дискредитирован редакциями и переделками. Ведь первоначальный сценарий, какой был принят к постановке, с каким знакомился я и другие актеры, к сожалению, имел лишь отдаленное сходство с тем, что вышло на экран. В частности, все «шпанонетки», которые мне пришлось сыграть по сюжету, дабы оправдать перед зрителями идею и смысловые повороты фильма, тоже были придуманы позже, в период редакции уже отснятого материала.

— Кстати, эти музыкальные вставки действительно выглядят искусственными элементами в картине. Помню даже, как раздраженно реагировали зрители в кинотеатрах на музыкальный финал.

— Я могу понять раздражение зрителя! Этого финала, как и многого прочего, не предполагалось авторами сценария. Фильм переснимался семь раз. В итоге оставалось только пожалеть всю съемочную группу и прежде всего молодого режиссера В. Бортко, оказавшегося в таком трудном положении. Но самое любопытное, что изобретательная редакция не спасла фильм. Все претензии прессы, кино критиков и зрителей были как раз по тем кускам картины, где основательно пропущили редакторские ножницы. Киноленту справедливо упрекали в недосказанности, в мягкости оценок, в сюжетной неправдоподобности. Конечно, сила этой сатирической истории в ее достоверности, узнаваемости лиц и ситуаций, которые, вероятно, фильм утратил в сравнении со сценарием. Он мог прозвучать намного сильнее и актуальнее. И это было бы так важно в наше время, когда партия повела активную, повсеместную и бескомпромиссную борьбу против стяжателей и тунеядцев, рвачей и взяточников, против всех любителей легкой жизни на нетрудовые доходы.

И все-таки, мне думается, даже с учетом каких-то заметных погрешностей наша комедия явилась в определенной степени открытием темы обличения «хозяев жизни» на современном экране. Жаль, однако, что рецензенты, ругавшие фильм, не попытались разобраться в сути причин его неудачи. Ведь критика, по моему, призвана не восхвалять или уничтожать какие-то произведения, а указывать пути творческих поисков, помогать художникам. И если исследуются неудачные попытки, то не стоит затапывать полезные зерна.

— Андрей Александрович, какую, по-вашему, роль играет зритель в судьбе актера?

— Долгие годы я встречаюсь со зрителями в своем театре. И каждый вечер, каждый выход на сцену остается по-своему неповторим для меня. Я вижу, чувствую внимание зала. Но как бы ни был значителен и важен для актера этот прямой контакт со зрителем в театре, я понимаю, что самую большую возможность общения с широкой публикой дает нам, конечно, кино и телевидение.

Когда появилась картина «А если это любовь?», где я снимался, будучи еще студентом театрального училища, я впервые почувствовал и осознал силу кинематографа и огромную ответственность нашей актерской профессии. Именно благодаря экрану становятся заметными первые и даже не совсем удачные шаги актерской молодежи, кино приносит большую известность и уже заслуженным мастерам сцены.

Однако экранная популярность очень коварна. В многомиллионной аудитории кинопроната, и особенно телевидения, мгновенно становятся заметны как наши успехи, так и недостатки, просчеты. Иногда появление актера на телеэкране может оказать сомнительную услугу. Стоит кому-нибудь из поющих, как сейчас говорится, киноактеров получить раз другой приглашение спеть в «Утренней почте», так незаметно для самого исполнителя он по капризу моды превратится в штатного певца всех телепрограмм, включая передачу «Больше хороших товаров!». Но так же незаметно для всех, и для режиссеров в первую очередь, быстро предадут забвению все иные возможности артиста. Вот и получается, что с одной стороны популярности мы обязаны зрительскому интересу, но с другой стороны сам же зритель оказывается в плену моды на какого-то актера или даже на определенное его амплуа. Сложный, знаете ли, и больной вопрос.

— Большой, наверное, потому, что он задает обсуждаемую сейчас проблему полноты творческой отдачи, профессиональной занятости современного киноактера?

— Да, конечно. Я говорю не конкретно о себе, а об актерах своего поколения. Длительные и совершенно необъяснимые простои киноартистов мне представляются непоправимой расточительностью творческих сил. Пример — пятнадцать потерянных лет в кинобиографии прекрасной и, к счастью, ныне признанной нашей актрисы Людмилы Гурченко. Ее судьба все-таки состоялась, но сколько достойных имен, которые еще увлекают зрителя, забыты кинематографом. Сколько бесспорных дарований, еще способных украсить наш экран своим творчеством, остается сегодня без внимания. Это ли не бесхозяйственность в искусстве?

Счастье актера может быть только в работе. Мы порой жалуемся на чрезмерную нагрузку, на усталость, но именно такой активный ритм дает настоящий жизненный и творческий стимул. Ибо беда актера не в том, что он отказывается от многих предложений и выбирает только самое важное для себя, а в том, что вынужден браться за ту работу, от которой хотел бы отказаться.

— Вы довольны своей киносудьбой?

— Не могу сказать однозначно... Мне выпали счастливые встречи с интересными режиссерами и партнерами, как в комедиях, так и в серьезных по жанру картинах. Конечно, и мне приходилось быть не удовлетворенным своей работой, доводилось и удачу отказываться от предложенных сниматься. Потом вышедший фильм с участием другого исполнителя чаще всего не вызывал у меня сомнений в правильности своего решения. Правда, до сих пор не могу себе простить, что из-за отсутствия времени не взялся, например, за роль следователя в фильме «Остановился поезд». И теперь искренне рад успеху картины и особенно работе Олега Борисова, исполнившего ту роль с блеском.

Сейчас я с интересом принял приглашение режиссера Аллы Суриковой. О будущем фильме говорить еще рано. Пока есть увлекательный сценарий — милая история о временах детства кинематографа. Картина задумана не просто как кино о кино, а как размышление о значении киноискусства в жизни человека. Я думаю, эта идея должна быть близка любому актеру, хоть однажды соприкоснувшись с удивительным и сложным миром кинематографа, и хотелось бы надеяться, заинтересует зрителей.

Беседу вел
Наталья ЛУКИНЫХ.

● Андрей Миронов в фильмах «Берегись автомобиля», «Сказка странствий», «Блондинка за углом».

«Недавно вновь в который раз с удовольствием посмотрела по телевидению «Бриллиантовую руку» Л. Гайдая. Там играет мой самый любимый актер Андрей Миронов. Хотелось бы встретиться с ним на страницах вашей газеты».

Н. МАЙОРОВА,
студентка.

СВЕРДЛОВСК.

— Итак, Андрей Александрович, поздравляю вас с серьезной датой! Действительно, дебютом киноактера Миронова была небольшая роль озорного десятиклассника в фильме Юрия Райзмана «А если это любовь?», вышедшем на экраны в начале 60-х годов. Потом появились всем известные комедии режиссеров Эльдара Рязанова, Леонида Гайдая, музыкальные ленты Марка Захарова. Своими ролями в последних фильмах «Блондинка за углом», «Победа» и особенно «Мой друг Иван Лапшин» вы как бы заявили о новом этапе своей кинобиографии. Ваши герои стали серьезнее, спокойнее и даже значительнее. Как вы сами оцениваете последние свои работы?

— Прежде всего должен поблагодарить за поздравление. Всегда с теплом вспоминаю студенческие годы, первые кинопробы, первые профессиональные открытия. Мысли о сегодняшних моих актерских буднях более прозаичны. Судьба актера так сложна, так непостоянна и зависима от множества обстоятельств, случайностей, что нельзя в ней ничего загадывать. Если еще вчера что-то состоялось или сложилось, то нет никакой гарантии, что завтра будет так же, что намеченный путь обязательно продолжится.

В последнее время мне действительно часто приходится слышать мнения о своем якобы новом «серьезном» герое в кино. Не думаю, что настал какой-то особенный, этапный для меня период жизни в кинематографе. «Серьезный» этап в моей биографии открыла скорее сцена, причем уже давно. В спектакле Театра сатиры «У времени в плену» по пьесе А. Штейна мне доверили играть роль Всеволода Вашневского, серьезный драматический образ. Странно, но в самом вопросе о моем постоянном амплуа в кино слышится некое обвинение. Деспот, пел, танцевал, веселил публику и вдруг посерьезнел. Что случилось? Да ничего не случилось. Просто меня как-то дружно «записали» в покоящие комикки, а я, между прочим, не так уж много и пел-то в фильмах. У меня за двадцать пять лет работы в кино были всего четыре музыкальные картины. Только четыре! Ничуть не больше, чем у других драматических актеров. Но это не означает, что я отрекаюсь от легкой комедии, от музыки в кино. Нисколько! Напротив, я бы и сейчас с удовольствием пел и танцевал, правда, у меня уже, конечно, не получится так, как в молодые годы. Об участии в интересной современной музыкальной кинокомедии можно только мечтать. Вот я и мечтаю пока за неимением реальных предложений.

Я не могу сказать о себе, что, привыкнув к легкому жанру, стал стремиться играть преимущественно трагические или сугубо драматические роли. Они, безусловно, мне бывают интересны, но именно в тех случаях, когда приходится сталкиваться с большой драматургией или талантливыми режиссерами. Так было в телефильме «Фантазии Фарятьева» и в картине «Мой друг Иван Лапшин». Но в принципе я всегда старался не замыкаться в каких-то узких жанровых рамках. Поэтому в театре я сегодня с удовольствием играю и жесткую сатиру Брехта — «Трехгрошовую оперу», и грустную лирику Чехова — «Вишневый сад», и современную музыкальную кинокомедию Горина «Прощай, конферансье». Не берусь, конечно, утверждать, что я универсален. Но тем не менее одинаково серьезно отношусь ко всем своим работам в кино и на сцене.

— И все-таки для большинства зрителей, знающих вас по кино и телефильмам, Миронов — это прежде всего комедия, изящество пластика, ирония, шутка. Поэтому давайте поговорим о кинокомедии, о проблемах жанра. Они вам, наверное, виднее?

— А что говорить о комедии! Знаете, как в песне поется, «о ней все сказано...». Комедию надо делать, снимать интересно и профессионально, так, чтобы потом ни у зрителя, ни у критиков не возникало необходимости обсуждать проблемы жанра, его тупики, сложности и т. п. Арифметика творчества здесь проста — должен быть умный, обладающий чувством юмора писатель, должны быть актеры, которые сумели бы все написанное профессионально разыграть, показать, и, наконец, нужен талантливый режиссер, способный все собрать воедино на экране. Видите, все просто! А

